

Н.С. Жернова
Вологда

ОБРАЗ ВОЛОГДЫ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.М. РЕМИЗОВА

Холодная зима и непродолжительное лето, бездорожье, которое обеспечивало почти идеальную охрану, патриархат – все это характеризовало Вологду конца XIX – начала XX века, и все это давало повод именовать ее «подстоличной Сибирью». Сюда ссылали всех неугодных, всех, обвиняемых в преступлении против власти, революционеров. В Вологде побывал весь цвет русской интеллигенции, побывали люди, представляющие целый спектр политических настроений – это И.В. Сталин, В.М. Молотов, и будущий нарком просвещения при Ленине А.В. Луначарский, и террорист Б.В. Савинков, и будущий убийца великого князя И.П. Каляев, и множество менее известных, но не менее интересных людей.

Был среди них и писатель (а тогда просто революционер) А.М. Ремизов, в своих дореволюционных произведениях («Часы», «Пруд», «Крестовые сестры») неоднократно подчеркивавший одиночество, затерянность человека в мире, во Вселенной, невозможность вырваться из мира без воздуха, мира, напоминающего тюрьму. В раннем творчестве Ремизова противопоставлены две стихии жизни. Первая – власть бессмыслицы русского быта, его «боль невыносимая». Эта власть заявляет о себе в повести «Часы», в романе «Пруд». Оба произведения настолько безысходны и мрачны, что кажется, будто мир достиг «последней черты», за которой либо крах, либо выход [2, с. 266].

Вторая стихия жизни у писателя – языческая, таинственная, дикая и фантастическая – «волшебная Русь» [2, с. 266].

Ремизов был отправлен в ссылку в 1900 году – сначала в Усть-Сысольск, потом, спустя год, в Вологду, которую впоследствии называл «Северными Афинами». Это определение можно понимать по-разному. Сам Алексей Михайлович в эмигрантской книге «Иверень» так описывает город: «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде... За неповторимость и единственность красок “времен года” – какая громчайшая весна и сорокоградусная лють зимой! – Вологда подлинно Афины – “Северные Афины”. А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем “Афины” звалась ссылочная Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!» [4, с. 476].

Ю. Адреев отмечает, что такую высочайшую оценку Вологодчина получила не только потому, что этот край действительно прекрасен суповой красотой, но и потому, что с этой землей у Ремизова ассоциировался расцвет творческих возможностей, личное счастье, счастье общения с многими выдающимися людьми, счастье ощущения себя членом общества, борющегося за правду [1, с. 11].

Для Ремизова Вологда – Северные Афины не только из-за богатства красок, но и из-за большого количества «умов» того века, собранных вместе. Непрерывные политические и философские дискуссии, чтение докладов, выход в свет литературных шедевров – такому пиршеству интеллигентской жизни могла позавидовать даже столица.

Однако Алексей Михайлович подчеркивает, что название «Северные Афины» придумано не им, что оно и ранее было распространено в определенной среде. Ю.В. Розанов отмечает, что наименование Афины получает еще одну мотивировку. Возможно, в нем содержится намек на некую демократичность местных властей по отношению к ссылочным, о чем свидетельствуют почти все мемуаристы, писавшие о вологодской политической ссылке начала XX века [6, с. 206].

Вологодская ссылка – это время появления в печати первого произведения А.М. Ремизова – стихотворения в прозе «Плач девушки перед замужеством», истории публикации которого удалено значительное место в книге «Иверень», где писатель замечает: «А про себя скажу, я попал в литературу по недоразумению» [4, с. 453]; «Он широко развернул газету, и в глаза ударило – электричеством: “Эпигоны” (Плач девушки перед замужеством) Николай Молдаванов» [4, с. 455].

Интересна история этого имени. В то время «Луначарскому и Савинкову по старым “подпольным” традициям считался необходимым псевдоним <...> теперь, под надзором Савинкова и Щеголева, я был в полной их воле» [4; с.455]. От Щеголева Ремизов узнал о воронежском бояке, почти юродивом, по фамилии Молдаванов и, увидев, возможно, схожесть судеб, взял себе это имя.

В Вологде Ремизов, начавший писать в тюрьме, впервые попадает в общество современников-литераторов. Здесь Бердяев, Савинков, Луначар-

ский, в дальнейшем по-разному прославившиеся, начинают печататься. В Вологде Ремизов осознал себя писателем и встретил будущую жену Серафиму Павловну Довгелло.

Несмотря на все неудачи, на статус сумасшедшего, на бедность, Ремизов все же нашел свой путь. Вологда для него – не «подстоличная Сибирь» с вечными трудностями, не место битвы писателя-одиночки и власти. Вологда для него – подлинно «Северные Афины», полные радушия, любви и неиссякаемых идей, важных для создания незабываемых произведений.

Именно в Вологде Ремизов сложился как своеобразный писатель. Здесь в годы ссылки был создан роман «Пруд» (1901–1903), чуть позднее о Вологде написана повесть «Часы» (1908), имеющая в зарубежных изданиях подзаголовок «Вологодская повесть». Показательно то, что первая редакция данной книги посвящена «Борису С.» (революционеру Борису Савинкову). В начале 1903 года между Ремизовым и вологодскими ссылочными произошел конфликт: будущая жена писателя Серафима Павловна решила отказаться от революционной деятельности, общественность увидела в этом ремизовское влияние. В результате оба «предателя» подверглись бойкоту, что привело Ремизова к острому переживанию комплекса «подполья». Апокалиптические настроения и чувство безвременья как порождения «подпольного сознания» стали впоследствии основной темой «Часов» [5, с. 466]. По этой причине роман был посвящен Борису Савинкову, вторая же редакция (как и большинство ремизовских произведений) посвящена была Серафиме Павловне.

Действие «Часов» происходит в небольшом северном городе, в котором внимательный читатель, особенно если он вологжанин и хотя бы примерно представляет облик города начала XX века, без труда узнает Вологду, хотя название города автор не приводит и его образ дается в повести по-символистски условно и обобщенно. Но читатель легко узнает и каменную соборную колокольню с золотою главой, и реку, и губернаторский дом. Вся совокупность деталей (в отличие от отдельных мест и реалий) говорит о том, что это действительно Вологда: «Город, живший по соборным часам, встрепенулся. На каланче пожарный, закутанный в овчину, в своей ужасной медной каске вдруг встрепенулся и, тупо вперяясь глазами в город, искал пожара – огня же не встретив, зашагал привычно вокруг раздувающих черных шаров и звенящих проволок. Отходящие поезда, спеша, нагоняли ход, свистели резко, резче, чаще. Подгоняли, лупили кнутом извозчики своих голодных лысых кляч, сами под кулаком от перепуганных, торопящихся не опоздать седоков» [5, с. 12–13].

Отзывы на еще не изданную книгу были неутешительны, даже из дружественного лагеря. Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала: «Но, дорогой мой Алексей Михайлович, искристый, истинный талант, мною глубоко почтаемый и с болью любимый, я решусь честно и прямо сказать свое мнение, в объективной истине которого совершенно не уверена. Часы, как и Пруд,

не искусство. Быть может, они ценные, даже совершенно наверно, но не в царстве Искусства. Это другое, еще небывалое, — это разъезжающие червяки, которых Вы оживили гладить сердца людей, эти вопящие молитвы, которые исторгаются со скрюченными пальцами, перекошенными губами и злыми и скупыми слезами» [5, с. 467].

Неутешительными были отзывы и на роман «Пруд». Здесь нет упоминания Вологды, книга рассказывает о жизни писателя и его семьи в Москве. Ремизов писал о себе, о том, что творилось у него внутри: «Монастырь и пруд, монахи с чертами и старец — моя душа» [7, с. 54]. Ремизов в письме Д.В. Философову говорит: ««Пруд» написан за зиму 1902–1903 г. в Вологде. Читал я его в первый раз у Агге Маделунга, были слушатели: Б.В. Савенков с Верой Глебовной, ур^{ожденной} Успенской, С.П. Довгелло, Ив. Пл. Каляев, П.Е. Щеголев, В.А. Жданов» [3, с. 527]. А. Белый писал: «Не нравится «Пруд» <...> Схвачена жизнь быта. Но охватить целое нет возможности» [3, с. 528]. Критик В.П. Кранихефельд отмечал схожее: «Это был хаос, в котором не было лица, не было ни рисунка, ни даже линий» [3, с. 529]. Против романа была и Л.Д. Зиновьев-Анибал.

«Вологодская тема» звучит во многих произведениях писателя: «В сырых туманах», «Мерлог», «Белая башня», «В розовом блеске». Именно здесь, в маленьком провинциальном городе, намечаются черты ремизовской прозы, которые составляют своеобразие и силу его как писателя.

В Вологде Ремизова ждало немало лишений, бедность, но все это засталось. Зато остались в памяти перезвоны колоколов в усть-сысольских храмах, неповторимая природа Русского Севера и причуды товарищей по изгнанию. Не зря во второй половине жизни, уже за границей, он рисует русским и иностранным читателям удивительный облик Вологды начала XX века в книге «Иверень».

Литература

1. Андреев Ю. О писателе Алексее Ремизове // Ремизов А.М. Избранное. – М., 1978.
2. История русской литературы. Литература конца XIX – начала XX в. (1881–1917): в 4-х томах. – Т. 4. – Л., 1983.
3. Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10-ти томах. – Т. 1. Пруд. – М., 2000.
4. Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10-ти томах. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М., 2000.
5. Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10-ти томах. – Т. 4. Плачужная канава. – М., 2001.
6. Розанов Ю.В. Вологда в «автобиографическом пространстве» А.М. Ремизова // Вологда: Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда, 1997.
7. Слобин Грета Н. Проза Ремизова, 1900–1921. – СПб., 1997.